

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

г. Сельцо, Брянская область

*Брату Михаилу
посвящую*

РАДИ ДОБРОГО ИМЕНИ

повесть

1

В Верхней Топали стояла ранняя осень. В такую пору начинают краснеть леса, солнце уже не печет, греет ласково, а земля по утрам и вечерам отдает холодком. Дни еще не короткие, но уже и не длинные, и только если хорошо поднапрячься, можно успеть с любой работой до наступления темноты.

Ранняя осень — это не тягостная пора, когда на дворе семь ненастий за день. Ранняя осень — это пора румяных яблок, которые поблескивают росяными боками на влажных ветках, звонко хлопают о землю груши, пахнувшие медом; в полях золотятся пышные копны соломы; высоко над головой трепетную просинь неба разрезает первый журавлиный клин, а понизу, у самой земли, плывут длинные паутинки бабьего лета, цепляются за траву и трепещут оборванными концами, и ветер нарочно рвет их, чтобы нарушить связь между летом и осенью.

Весть о том, что Лариска Куприянова вернулась домой с мужем-офицером, в одночасье разнеслась по Верхней Топали. В поселке все знали, что после окончания педучилища Лариска выскочила замуж за водителя районной сельхозтехники Толика Суркова. Тот заочно учился в сельхозтехникуме, играл за сборную команду поселка в волейбол, увлекался бардовской песней. Словом, был в округе на хорошем счету. Но после женитьбы парня словно подменили: забросил спорт и учебу, стал частенько прикладываться к рюмке, прогуливать работу.

Прожив всего пару месяцев, молодые развелись, и Лариска Куприянова укатила из Верхней Топали. Для жителей поселка это не было в диковину. Большинство жителей поселка с самого начала не советовали Суркову связываться с семейством Куприяновых, поэтому восприняли новость о разводе с удовлетворением. Для них любая беда или незадача Куприяновых была как бальзам на душу. Местные жители не любили это семейство и не скрывали своей ненависти к нему.

Самые досужие утверждали, что у дочери Куприяновых вдали от отчего дома все сложилось не так уж плохо: поселилась у дальней родственницы отца в Карелии, у самой финской границы, вышла замуж за офицера-пограничника, работает воспитателем в детском саду на заставе и на

глаза верхнетопальцам показываться не желает.

И вот впервые за много лет Лариска с мужем и сыном-подростком объявилась на своей малой родине. В поселке решили, что супруги приехали к Ларискиным родителям погостить во время отпуска. Но потом выяснилось, что Ларискин муж, Роман Костюк, получил увечье в схватке с нарушителем границы и комиссован со службы по состоянию здоровья. За задержание опасного преступника майор Костюк имеет правительственную награду.

2

Роману Костюку сразу же бросилось в глаза, что поселковые жители относятся к Куприяновым недоброжелательно, если не сказать больше — питают к ним злобу. Это отношение он вскоре почувствовал и на себе, но виду не подавал — со всеми поддерживал ровные отношения. Что же касается Ларискиных родителей, то они приняли его как родного сына. Павел Куприянов, Ларискин отец, подружился с зятем с первых дней. Павел Григорьевич работал пасечником в колхозе, хорошо знал животный и растительный мир своего родного уголка и сразу же увлек за собой Романа. Тот охотно ездил с ним на сенокос, в лес и на пасеку, которая находилась в трех верстах от поселка.

Как-то по дороге на пасеку Павел Григорьевич рассказал зятю, что эта старая лесная дорога раньше вела на Гобаевский хутор. До революции там, где теперь находится пасека, был огромный сад статского генерала Гобаевского. Имение Гобаевского включало в себя около трехсот десятин земли, в нем стояли двухэтажный господский дом и Покровская церковь. Помещик жил бобылем — его красавица жена умерла рано, не оставив ему наследников. Гобаевский слыл в округе порядочным человеком. Будучи вдовцом, он взял на воспитание приемного сына. В годы Гражданской войны Гобаевский принял сторону советской власти и пошел служить в Красную Армию. Получив ранение, долго лечился, а потом вернулся в усадьбу и умер при странных обстоятельствах.

Перед войной в усадьбе находился детский дом. Ларискина бабушка, Ульяна Михайловна,

будучи еще девчонкой, часто бегала в усадьбу, играла с детдомовскими ребятами, а когда повзрослела, стала работать в детдоме. Девушка очень любила детей и, когда окончила педагогический техникум в Подмоскovie, стала заведующей детским домом. Там, на хуторе, она вышла замуж за учителя Тараса Крупенина, сына председателя райисполкома, родила дочь Марию, Ларискину мать, которая росла и воспитывалась с детдомовскими ребятами.

Во время оккупации немцы каким-то образом узнали, что комсомолка Ульяна Крупенина создала подпольную группу и установила связь с местными партизанами. Фашисты нагрянули на Гобаевский хутор ночью. Ульяна успела собрать детей и вывести их лесной тропой за речку Вяхоревку, на лесной кордон к леснику Савелию. Что было потом — не знает никто. Дети погибли, пропала и Ульяна. Осталась в живых только Маша, которую Ульяна накануне прихода фашистов на хутор отправила в поселок к родителям.

Тарас Крупенин, как и все мужики округи, был на фронте. А когда вернулся, узнал о гибели жены, закручинился, а потом надломился и стал безбожно пить. Как раз в эту пору по Верхней Топали поползли слухи, что Ульяну той ночью схватили фашисты и она ради спасения своей дочери выдала Савелия, поддерживающего связь с партизанами. И немцы якобы пробрались на кордон и подожгли его. В огне погибли Савелий и дети.

— Вот поэтому поселковые жители ненавидят мою жену Марию, а заодно и все наше семейство, — тяжело вздохнул Павел Григорьевич. — По этой же причине и у нашей дочери Ларисы первый брак оказался неудачным. Недоброжелатели нашептывали Толику, что зря он влез в наше семейство...

— Но ведь в этой истории много непонятного, — сказал Роман.

— Это так, но для людей важен сам факт, что погибли дети и лесник, а Мария спаслась. А что касается Ульяны, то, по их мнению, она куда-то скрылась...

— И никто не пытался распутать до конца эту историю? — спросил Роман.

— Тарас Крупенин, когда вернулся домой и услышал эту страшную историю, не поверил в такое зверское предательство со стороны Улья-

яны, горячо любившей детей. Фронтовик начал наводить справки и вскоре что-то заподозрил. Он утверждал, что Ульяну и детей выдал предатель и она погибла вместе с детьми. Но ему никто не верил. Однажды, будучи под хмельком, Тарас заявил, что недалек тот день, когда он отыщет предателя. Но вскоре Тарас погиб — утонул в Вяхоревке при загадочных обстоятельствах, рядом с бывшим кордоном Савелия. Об этом мне рассказала Мария сразу после нашей свадьбы, на которую почитай никто из жителей поселка не пришел, — с горечью признался Павел Григорьевич.

— А милиция занималась расследованием гибели Крупенина? — задал новый вопрос Роман.

— Занималась, но все тогда списали на пьяное состояние Тараса. Следователь сообщил родственникам, что смерть была ненасильственной — произошел несчастный случай...

3

Романа Костюка заинтересовала эта загадочная история. Теперь он не составлял компанию Павлу Григорьевичу, когда тот отправлялся в лес или на пасеку, — зять постоянно ссылался на неотложные дела. Все свободное время Роман проводил в Верхней Топали среди друзей своего сына Славика. Подростки охотно делились с ним своими тайнами, деревенскими новостями, а он рассказывал им о своей службе, о приключениях на границе.

Когда Роман заговорил с ребятами о хуторе и о загадочной гибели детей из Гобаевского детского дома, ребята рассказали ему о том, что знали от своих бабушек и дедушек. Эта информация ничего нового Роману не дала. Ребята почти слово в слово передали историю, которую ему поведал Павел Григорьевич. Тогда Роман обратился к ребятам с просьбой:

— Если узнаете что-то новое или обнаружите у своих бабушек какие-либо документы, фотографии или письма, относящиеся к истории Гобаевского детского дома, немедленно сообщите мне.

— А вы возьмете нас на ночную рыбалку на Святое озеро? — спросил рыжий подросток Юрка Прудников.

— Даю слово пограничника, — серьезно сказал Роман.

В то время, пока ребята тормозили своих бабушек и дедушек, пытаюсь выудить у них подробности о событиях военного времени на Гобаевском хуторе, Роман копался в домашней библиотеке, оставленной Ларискиным дедом Тарасом Крупениным, тщательно изучал его архив из газет и писем. В одной из книг ему на глаза попала небольшая записка. На желтевшем листке школьной тетради корявым почерком было выведено всего несколько слов: *«Надо поговорить. Приезжай на к. С.»*.

Роман показал записку теще, Марии Тарасовне, но она ничего не смогла прояснить. Когда отец умер, она была еще ребенком и смутно помнила о последних годах его жизни. Отец очень тосковал по пропавшей жене и редко появлялся трезвым в доме Машиной бабушки, которая ее воспитывала. Приносил подарки дочери и надолго пропадал. Спустя несколько лет после смерти отца, просматривая его бумаги, Мария наткнулась на эту записку, но не придавала ей особого значения. Дочь просто упорядочила все бумаги и документы, что остались от отца, и свято хранила его архив. Ей было дорого все: книги, фотографии, фронтовые письма отца. Роман перекопал архив несколько раз, но больше ничего, что привело бы к разгадке той давней истории на хуторе, ему обнаружить не удалось.

Записка, найденная в архиве Крупенина, не давала покоя Роману. Что означает это приглашение? Кто его передал? Кто такой С.? О чем он хотел переговорить с Тарасом? Какой это был год, какое время? Мария родилась в 1937 году. Ей не было и восьми лет, когда погиб отец. Он вернулся домой весной 1945-го, а это случилось осенью. Стало быть, примерно в это время кто-то приглашал Крупенина на встречу. Куда? *«Приходи на к. С.»*. Предположим, что на кордон. Приглашал Савелий. Но ведь кордон сожгли немцы в 1943 году, Савелий погиб. Черт знает, что такое — записка с того света. Все запутано до предела. Клубок какой-то. И неизвестно, где конец нити. Но где-то же он есть? Наверняка есть.

4

Славик Костюк прибежал домой возбужденный и сказал отцу:

— Пап, там, на крыльце, тебя дожидается Юрка Прудников. Он притащил старую фотографию — хочет, чтобы ты ее посмотрел.

Роман вышел к мальчишке, и тот протянул ему небольшую, изрядно пожелтевшую фотографию. Роман понял сразу, что на довоенном снимке изображен Гобаевский хутор. Двухэтажный господский дом, по обе стороны — вековые деревья, а на высоком крыльце с колоннами милостивая чернявая девушка в окружении детворы, словно курица с цыплятами. На заднем плане, на углу дома, привалившись плечом к стене, стоит, наклонив голову, высокий русоволосый парень. Черты его лица плохо различимы.

— Это я в бабушкином сундуке нашел — была приклеена на внутренней стороне крышки, — с гордостью сказал Юрка, видя, что Роман заинтересовался фотографией.

— Как зовут твою бабушку? — спросил Роман.

— Баба Аня. Анна Наумовна.

— Сколько ей лет?

— Семьдесят пять уже, — четко ответил Юрка.

— Я хочу с ней встретиться, — сказал Роман. — Пойдем прямо сейчас.

Анна Наумовна, еще крепкая моложавая старушка, рассказала Роману, что на фотографии ее подруга Ульяна. В то время она была уже заведующей детским домом. Уля была красивой, видной девушкой и замечательной подругой. О том, что говорят о ней в поселке, баба Аня никогда не верила. Честная и смелая Уля создала комсомольское подполье, в которое входила и молодая Аня, чудом оставшаяся в живых. «Ульяна не могла выдать своих подруг ни под какими пытками и уж тем более предать детей. Ведь она их так любила...»

— А что это за парень спрятался за углом? — поинтересовался Роман.

— Это Савелий. Он был влюблен в Ульяну. Высокий, крепкий, русоволосый парень был видным женихом и очень настырным, но каким-то диковатым. Ульяна попервости сторонилась его, видно, боялась. Любовь, как известно, выпросить нельзя, но вот выстрадать, наверное, можно. Савелий упорно ухаживал за

Ульяной, сулил ей, что, как только поженятся, он увезет ее из этих мест и они заживут богато, потому что родители оставили ему солидное наследство. Вот это и смущало Ульяну...

— А где жил Савелий? — осторожно спросил Роман.

— Где-то за Вяхоревкой, на лесном кордоне, километрах в десяти от Гобаевского хутора. Зимой приезжал на хутор на лыжах, летом на велосипеде. Ульяна продолжала встречаться с ним, и, возможно, он добился бы своего, покорила бы ее сердце, не появившись в поселке Тарас Крупенин. Он приехал учительствовать в Верхнюю Топаль. И тогда Ульяна заявила Савелию, что не выйдет за него, так как любит другого. Савелий отстал, но было видно, что затаил на нее кровную обиду.

— А где был Савелий во время войны? — задал новый вопрос Роман.

— В поселке утверждали, что он остался на кордоне. Партизаны хотели установить с ним связь, но им это не удалось — партизанские разведчики, пытавшиеся проникнуть на кордон, наткнулись на немецкую засаду и погибли в неравном бою. Я часто думаю, почему Ульяна отправилась с детьми на кордон, и прихожу к выводу, что у нее просто не было другого выхода. Куда она могла деть детей ночью? Она рассчитывала на помощь Савелия. Но как там оказались немцы, неужели нашли по следу?

— Анна Наумовна, у вас нет фотографии Савелия? — спросил Роман.

— Нет. Его фотографии не было и у Ульяны...

5

Роман Костюк в тот же день переговорил с женой и ее родителями и принял решение отправиться в областной центр с тем, чтобы встретиться с сотрудниками областного КГБ. Он был уверен, что ему, офицеру, проходившему службу в пограничных войсках КГБ, пойдут навстречу и окажут необходимую помощь в распутывании этой загадочной истории военного времени на Гобаевском хуторе.

В один из погожих осенних дней Роман выехал рейсовым автобусом в областной центр — старинный город на реке Десне. В областном управлении КГБ его приняли с пониманием. Началь-

ник отдела майор Ковальчук рассказал ему, что в общих чертах знаком с историей гибели Гобаевского хутора и детского дома. «Но в этой истории для нас действительно многое непонятно, масса белых пятен, — сказал майор. — Что же касается лиц, находящихся на службе у немцев во время оккупации, то, по нашим сведениям, в этом районе у немцев был свой осведомитель. Он выдал немцам нескольких партизанских связных, с его помощью немцы разгромили комсомольское подполье в Верхней Топали. Не удивлюсь, если он приложил руку и к гибели Ульяны Крупениной и детей из Гобаевского детского дома. Выйти на его след после войны не удалось. Он либо бежал, либо тщательно замаскировался, изменив свой облик, сменив имя и фамилию. В немецких архивах, попавших к нам в руки, кроме одного из его донесений, за которое он получил несколько дойчмарок и паек, ничего найти не удалось. Под донесением стояла подпись: Сова. Похоже, это была агентурная кличка предателя», — заключил Ковальчук.

Внимательно выслушав майора, Роман показал ему записку, которую обнаружил в домашнем архиве Куприяновых. Ковальчук тотчас отнес ее вместе с делом «Совы» в отдел почерковедческой экспертизы и вскоре получил заключение, из которого явствовало, что записка и донесение принадлежат перу одного и того же автора.

— Выходит, что именно предатель по кличке Сова приглашал Тараса Крупенина на встречу, — сказал, размышляя вслух, Роман.

— Да, именно так. Но как Тарасу Крупенину удалось выйти на предателя? — вот вопрос, — покачал головой Ковальчук. — Из этого следует очень важный вывод: предатель по кличке Сова остался в живых и затаился где-то неподалеку от ваших мест, — внимательно посмотрел оперативник на Романа. — Так что будь осторожен и держи нас в курсе. В случае чего мы выделим в помощь своих сотрудников. А пока возобновим проверку по своим каналам. Скажу прямо, вы подбросили нам непростую задачку, над решением которой мы бились несколько лет, но, исчерпав все возможности, вынуждены были приостановить это запутанное дело, не имеющее сроков исковой давности.

Роман поблагодарил майора Ковальчука за полученную информацию и выехал в Верхнюю То-

паль. В дороге он задумался о том, успешной ли была поездка? Продвинула ли она его к раскрытию этой загадочной истории на Гобаевском хуторе? И пришел к выводу, что поездка была вполне успешной. Он лишний раз убедился, что движется в правильном направлении. Более того, анализируя полученные сведения и сопоставляя их с ранее добытыми, Роман ловил себя на мысли, что Савелий и предатель Сова — одно и то же лицо. Откуда такая агентурная кличка? Похоже, она выбрана Савелием не случайно: во-первых, напоминает его имя. А во-вторых, сова — хищная ночная птица с большой головой и крючковатым носом, живущая в лесу. Савелий жил в лесу. Где? На кордоне. Кордон сторел. Куда девался Савелий? Где его искать? Надо ехать на хутор, затем на старый кордон...

Что надеялся обнаружить Костюк на старых пожарищах и развалинах, он и сам не знал. Просто интуиция подсказывала опытному пограничнику, что необходимо пройти по следам Савелия — Совы.

6

Бабье лето мчалось как скорый поезд по степи. Пропадали куда-то погожие дни с золотом листьев, серебром паутины, алыми гроздьями рябины, прощальным криком журавлей, восковыми яблоками в саду, терпкими запахами полыни, медуницы и грибов. Приближалось осеннее ненастье.

Роман Костюк спешил приблизить развязку загадочной истории, связанную с семьей Куприяновых. В один из осенних дней он пробирался узенькой тропкой на бывший лесной кордон. Осталась позади бывшая усадьба помещика Гобаевского, а на ней — развалины детского дома, которым заведовала когда-то Ульяна Крупенина.

На этих развалинах Роман провел около двух часов. Бывший пограничник со свойственной ему скрупулезностью обследовал здесь каждый камень, каждый куст. Сохранились остатки фундамента, выщербленное крыльцо. Все было покрыто пожухлой травой и молодой порослью. В углу фундамента находилась большая яма, выложенная кирпичом. Яма заросла, кирпич частич-

но разрушился. Все свидетельствовало о том, что раньше здесь находился подвал. Роман спустился в яму и долго копался в ней, пока не обнаружил нишу и лаз в кирпичной стене. Он пришел к выводу, что это не что иное, как подземный ход, ведущий в лес. Так вот как спаслась Ульяна, когда фашисты нагрянули на хутор! Через этот подземный ход, теперь заваленный землей и битым кирпичом, она ушла сама и увела детей, как только над ними нависла угроза. Она повела их на кордон в расчете на то, что Савелий по старой дружбе придет ей на помощь...

Тропинка на старый кордон едва угадывалась среди кустарника и высокой травы — по ней давно никто не ходил. В хвойном лесу было тихо и сумрачно. Но вскоре вдали забрезжил свет. Показались стройные, как свечи, березы, высоко тянувшиеся к небу. В березовой роще то тут, то там светилась густыми алыми каплями брусника, а рядом — нетронутое грибное царство. Каких только грибов здесь не было — всех цветов и размеров!

Подул ветер, и Роман почувствовал, как потянуло сыростью, запахом багульника. «Впереди река, — подумал он. — Значит, я почти у цели». Выйдя на опушку березовой рощи, Костюк оказался на краю болота, поросшего травой в человеческий рост. Он решил, что здесь ему придется туго, но, подойдя поближе, увидел, что среди высокой травы аккуратно выложены кладки — замшелые жерди лежали на каменных блоках и были схвачены ржавыми металлическими скобами.

По скользким кладкам Костюк подобрался к Вяхоревке. Через узкую лесную реку были перекинута бревна, тоже скрепленные ржавыми скобами. Вода в реке была темной, с зеленоватым оттенком. В этом месте быстрая река делала крутой изгиб и уходила на восток, в дальний лес, стоявший темной зубчатой стеной. Противоположный берег высоко поднимался над рекой. На песчаном крутояре величаво стояли корабельные сосны.

Костюк поднялся на обрыв и здесь, в сосновом бору, заметил поляну, густо поросшую подлеском. По рассказам старожиллов Верхней Топали он знал, что именно в этом месте находилась когда-то сторожка лесника Савелия. Роман обследовал поляну, но никаких следов от бывшего кордона не обнаружил. Он присел на пова-

ленное дерево и задумался. Роман думал о трагедии, разыгравшейся здесь, на кордоне, в годы оккупации. Какую тайну скрывает этот подернутый дымкой глухой и стылый бор? Если Ульяна попала в лапы гестаповцев, что стало тогда с детьми? То ли они сгорели здесь заживо вместе с ней, то ли разбрелись вокруг и погибли в лесу? Он явственно представил себе эту картину, и ему на миг показалось, что он услышал тревожные детские крики, взывающие о помощи. Роман живо поднялся и стал спускаться к реке. Нужно было возвращаться обратно — осенний день короткий, быстро темнеет.

За лесом догорал закат. Померкла позолота на хвойном ковре леса. Длинные косые тени затопили темно-зеленый сосновый бор. Над болотом уже курился холодный вечерний туман, но кладки были видны хорошо. И тут его осенила одна мысль. В записке на имя Тараса Крупенина было указано: «Приходи на к.». Кордон в ту пору был уже сожжен немцами. Записка была написана после войны. А не означало ли это, что автор записки приглашал Тараса на кладки? Встретимся, мол, на кладках. Здесь он его и подстерег, здесь и утопил. Совершенно очевидно, что приглашал Савелий. Но откуда он шел? Тарас шел со стороны хутора, а Савелий, судя по всему, шел ему навстречу. Откуда? Где затаился Сова?

Роман снова поднялся на обрыв и стал искать дорогу, уходящую от старого кордона в глубь леса. Наконец наткнулся на узенькую тропку. Остановился, задумался. В эту минуту он спиной почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглянулся — никого. Неужели опять показались? Мистика какая-то...

Возвращался Роман в поселок той же дорогой. Темнело, и он пробирался почти на ощупь, раздвигая ветви кустарников. Неожиданно в чащобе хвойного леса раздался крик потревоженной птицы. Роман вздрогнул и оглянулся. Он знал — так кричит сова. Где же скрывается другая Сова? Не в этих же лесных дебрях, а где-то там, за рекой. «Ничего, скоро доберусь до тебя, хищная птица», — уверенно сказал Роман.

7

Там, за рекой, в семи километрах от старого лесного кордона проходила граница с соседней областью. Прямо на границе находилось большое старинное село Задубравье, со всех сторон укрытое густым хвойным лесом. Об этом Роману рассказал тесть — Павел Григорьевич Куприянов, который был родом из тех мест. После похода на кордон Роман знал, как добраться в это село, но он решил искать туда другую дорогу. По расчетам бывалого пограничника, Савелий затаился где-то там, в соседней области, и подбираться к нему надо другим путем, хорошенько все продумав.

Когда Роман объявил жене, что готовит вояж в соседнюю область, к черту на кулички, Лариса возмутилась:

— Я и так тебя уже две недели не вижу. На границе не видела и здесь тоже. Когда же это кончится? Или у тебя уже в крови ловить нарушителей и преступников? Исхудал весь, ночи не спишь. Мы ведь собирались отдохнуть здесь, а потом уехать в город, искать работу...

— Потерпи немного, Лариса. Я не успокоюсь, пока не раскрою тайну этого лесного кордона и не верну доброе имя твоей бабушке. Это мой гражданский долг перед собственноручной совестью и ее памятью. Надо восстановить справедливость, вытащить на свет божий настоящего предателя. И я уже близок к цели. Скоро завершу свою операцию, и тогда отдохнем, — дружелюбно сказал Роман и обнял жену.

— Нет, нынче уж, видно, отдохнуть не придется — поздняя осень у порога, — вздохнула Лариса и нежно заглянула в глаза мужа...

В Задубравье Роман добирался на велосипеде, облачившись в спецодежду электрика. Через плечо висела сумка с инструментом, а на поясе широкий ремень с монтерскими «когтями». Этот маскарад понадобился ему, чтобы не привлекать внимание местных жителей и не спугнуть матерого преступника.

К полудню Роман был уже в селе. Он постучал в крайний дом, примостившийся у околицы. На стук вышла хозяйка — дородная женщина лет пятидесяти, в цветастом сарафане. Роман представился и спросил, где случился обрыв провода — из села был звонок на

подстанцию. Судя по голосу, звонил кто-то из стариков.

— Да у нас здесь стариков много, а телефон только в магазине, — нараспев сказала женщина. — Спросите у продавца Маши Козловой. А имени своего старик не назвал?

— Назвал. То ли Савелий, то ли Силантий, — пожал плечами Роман.

— Таких стариков у нас в селе нет, — уверенно ответила женщина.

И здесь Роман понял, что совершил ошибку. А вдруг он сменил имя, что вполне вероятно, и когда сарафанное радио разнесет по селу, кем интересовался незнакомый электрик, — пиши пропало: Савелий тут же исчезнет из села.

— А попить у вас можно? — спросил Роман.

Хозяйка принесла кружку колодезной воды и любезно протянула Роману.

— А вы давно в этом селе живете? — поинтересовался он.

— Да уж всю жизнь. Здесь родилась, выросла, замуж вышла... Здесь и мои родители жили.

— В вашем лесном селе все жители, наверное, местные, как вы?

— Да нет, есть и приезжие, и залетные, но их немного...

— А вы не слышали случайно, — решил пойти ва-банк Роман, — о кордоне в лесу, что в соседней области находился, неподалеку от вас?

— Как же, слышала, — живо откликнулась женщина. — Там жил молодой лесник. За связь с партизанами немцы схватили его, бросили в застенок, пытали. Он чудом спасся. А кордон немцы сожгли. Вскоре после войны в нашем селе поселился пришлый мужик Семен Гонтарь. Поговаривают, что он и есть тот лесник с кордона. Теперь он уже старик. Никто не знает толком его настоящее имя. Старик малость не в себе: живет отшельником на другом краю села, все по лесу ходит, травы какие-то собирает, ни с кем не общается... В селе его Лешим кличут...

8

Роман тайком пробрался на окраину села и затаился в густом кустарнике. Отсюда ему хорошо была видна покосившаяся хата старика, окруженная вековыми деревьями и зарослями

малинника. Ничего не говорило о том, что здесь, во вросшей в землю хибаре, кто-то живет. Роман наблюдал за хатой уже несколько часов, но никаких признаков жизни так и не обнаружил — вокруг стояла гробовая тишина. «Не разыграла ли меня та женщина с певучим голосом?» — подумал он. Но тут дверь хибары тихо отворилась, и на крыльцо вышел седой старик с длинной окладистой бородой. Он был высок, строен, широк в плечах. Старик окинул взором двор, подошел к поленнице, набрал охапку дров и скрылся в избе. Прошло несколько минут, и из трубы хибары потянуло горьковатым дымком. Роман посидел еще немного и под покровом сумерек покинул свой наблюдательный пункт.

В Верхнюю Топаль он въезжал, когда было уже совсем темно. На центральной улице тускло светили фонари. У поселкового магазина толпилась кучка мужиков. Роман хотел проехать мимо, но тут дорогу ему перекрыл здоровый кучерявый парень в болоньевой куртке. Роман вильнул в сторону, но парень схватился за руль велосипеда и хриплым голосом сказал:

— Погоди, поговорить надо.

— О чем? — спросил Роман.

— Тебе не кажется, что ты развил здесь слишком бурную деятельность? — спросил парень.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что ты здесь все копаешь, принимаешься. Уж не родственников ли своих обелить хочешь?

— А кого это волнует? — в упор глянул на него Роман.

— Нас волнует, — услышал он позади другой голос и обернулся.

Пощатываясь, к нему приближались еще двое парней. Роман поставил велосипед к дереву и двинулся им навстречу. Заметив его решительность, один из них сказал:

— Сегодня мы тебя только предупреждаем. Смотри, пограничник, не сломал шею на границе — здесь ломаешь, если не успокоишься...

— Смотрите вы, чтобы я с испугу вам ноги не выдернул, — бросил Роман и направился к велосипеду. Один из парней что-то крикнул вслед, и тройка потянула к магазину.

Наспех поужинав, Роман прилег на диван в чулане и долго размышлял над инцидентом у магазина. Что бы это значило? Откуда дует ве-

тер? Неужели в поселке есть сообщники у Савелия и он поддерживает с ними связь? Каким образом? Кто они? Если так, то выходит, Савелий знает обо всем и не на шутку встревожен. Да, у Совы большие уши — слышит хорошо. Услышал мое дыхание за спиной и решил запугать. Ясно, что эти ребята пешки в игре. Их купили за бутылку. Но кто? Надо действовать решительнее. Завтра вновь отправляюсь в Задубравье и продолжу наблюдения за Лешим. Как бы он, почувствовав опасность, не дал деру. И потом ищи-свищи. Это хищная птица, она так просто в лапы не дастся. А если старик действительно душевнобольной и трагедию на кордоне, о которой слышал когда-то, выдает как собственную? Нет, похоже, старик умело маскируется. Уж больно многое сходится. И внешне, судя по рассказам Анны Наумовны, он похож на Савелия.

9

Рано утром Роман Костюк был уже в Задубравье. Укрывшись среди зарослей, он продолжил наблюдение за хатой Лешего. На этот раз ему долго ждать не пришлось. Оранжевое солнце еще висело над гребенкой темного леса на востоке, когда старик вышел из дома, оглянулся вокруг и направился в лес, в сторону кордона.

Он шел так быстро, что Роман едва успевал за ним. Широким, размашистым шагом, ни на минуту не останавливаясь, старик пробирался по узенькой тропинке, петляющей среди сосен. Он явно куда-то спешил. Роман держался на приличном расстоянии от старика, иногда даже терял его из виду, но опытный пограничник не волновался. Ему не раз приходилось преследовать нарушителей границы, идя по их следу десятки километров. Он знал все премудрости этого непростого дела и всегда успешно проводил задержание. Лишь однажды он допустил промах. На КСП он обнаружил след нарушителя и стал его преследовать. Несколько километров он шел за ним, держась на безопасном расстоянии. И когда тот присел на камень у лесного озера, Роман бросился на него. И тут же получил удар ножом в спину. Роман нашел в себе силы обернуться, выбросить

вперед руку, но получил второй удар, который пришелся в руку. Позднее выяснилось, что нарушителей было двое. Через КСП один пронес другого, более легкого. Но Роман поспешил тогда и не сумел как следует «прочесть» след нарушителя, за что и поплатился. Хорошо, что дежурная группа тогда подоспела вовремя...

Тропинка вывела на старый кордон, уже хорошо знакомый Роману. Леший, немного поплутав вокруг, спрятался в зарослях, присел, закурил. Роман наблюдал за ним из-за сосны. «Как несколькими днями раньше — только поменялись ролями. Тогда я сидел здесь, а Леший, судя по всему, наблюдал за мной», — подумал Роман.

Покопавшись в хвое, толстым слоем укравшей землю, старик достал лопату и, отсчитав несколько шагов от того места, где сидел, стал копать. Прошло около получаса, когда Леший достал из ямы ящик из-под боеприпасов. Вскрыв его, он вытащил брезентовую сумку, похожую на большой баул. Проверив ее содержимое, он отложил сумку в сторону, а ящик бросил в яму и быстро забросал землей. Место раскопок Леший аккуратно замаскировал хвоей, спрятал лопату и, захватив баул, отправился в обратный путь.

Стоял полдень. Свет солнца, распадаясь на мелкие куски, просачивался мелкими струями сквозь вершины сосен и блеклыми пятнами ложился на землю. По этим пятнам и шагали двое: один впереди, другой в десятке метров позади от него.

В пути Роман размышлял: что мог извлечь из тайника Леший? Похоже, этот тайник Сова оборудовал еще во время войны. Что он мог там хранить? Оружие? Наверняка. Но ведь баул объемистый, тяжелый и в нем есть еще что-то, кроме оружия. Что? Драгоценности? Возможно. Но откуда они у бывшего лесника? За доносы немцы расплачивались с ним дойчмарками. Хранить их в земле Сова не мог — они давно бы истлели. Да и он хорошо понимал, что они уже никогда ему не пригодятся. А там кто его знает... А может, это то наследство, о котором говорил Савелий Ульяне, чтобы покорить ее сердце? Маловероятно, но... Ясно одно: Сова решил бежать. Все самое ценное он захватит с собой, в том числе оружие, чтобы спасти свое богатство и себя. Надо что-то

предпринимать. Этот дрозд не так прост. И он легко в руки не дастся. Судя по всему, старик еще достаточно крепок, опытен и хитер. Побороться с ним придется, жаль только, рука полностью не сгибается после ранения...

10

Проводив Лешего до его хибары, Роман решил послать гонца в Верхнюю Топаль за подмогой. Он знал, что после такого перехода старику потребуется хотя бы небольшой отдых и надо воспользоваться этой паузой. За помощью он решил обратиться к той женщине с певучим голосом на другом конце Задубравья. Когда днем раньше он разговаривал с ней, из дома выглядывал подросток лет пятнадцати. Если ему все объяснить хорошенько, то он быстро докатит на велосипеде в Верхнюю Топаль к Куприяновым. И Павел Григорьевич на лошади через пару часов будет здесь.

Роману не пришлось долго убеждать женщину в том, что ему нужна срочная помощь. Та тотчас позвала сына, и мальчишка, быстро сообразив, что от него требуется, вскочил на велосипед и вихрем помчался в соседнее село.

Костюк вернулся к дому Лешего и продолжил наблюдение. Прошло всего два часа, но Роману они показались вечностью. Неужели план, который он наметил, даст сбой? Неужели что-то не сработало и на помощь рассчитывать не придется? Ну что же, тогда выход один — брать Сову в одиночку. Упускать его нельзя — за ним тянется длинный кровавый шлейф. И расплата, пусть и запоздалая, должна быть неминуемой.

За то время, что Роман вел наблюдение, Леший дважды выходил из дома. Что-то готовил, укладывал. «Спешит. Видимо, чутье хищника подсказывает, что опасность где-то рядом. Надо во что бы то ни стало задержать его. Иначе Сова упорхнет, покинет свое гнездовье...»

В эту минуту Роман услышал отдаленный скрип. Выбравшись на деревенскую улицу, он увидел телегу, направляющуюся в его сторону. Роман подал знак остановиться и поспешил навстречу.

— Ружья в порядке? — спросил он у Павла Григорьевича.

— Да, оба заряжены, и патронташ снаряжен, — ответил тот.

— Лошадь на привязь. Берем ружья и к дому, — скомандовал Роман.

Еще издали они почувствовали запах дыма и гари. Подойдя ближе, увидели пламя, вырывающееся наружу из открытых окон хаты Лешего.

— Ушел, — крикнул Роман, — и следы уничтожил!

— Никуда ему не уйти, — спокойно сказал Павел Григорьевич. — Одна дорога — через кордон. Распрягай лошадь и верхом за ним. Я пойду следом...

Первый выстрел прозвучал, когда Роман был уже у самого кордона. Пуля просвистела рядом. Он спешился, укрылся за сосной и выстрелил.

— Сдавайся, Сова, твоя песенка спета, — крикнул Роман.

В ответ прозвучал второй выстрел и раздался хриплый голос Савелия:

— Видали мы таких разведчиков. Прежде тебя прикончу...

Роман выжидал. Выжидал и Савелий. Пауза затягивалась. В это время подоспел Павел Григорьевич.

— Оставайтесь здесь, изредка постреливайте в сторону вон той сосны, но не высовывайтесь, а я пошел в обход. — И Роман скрылся в чащобе.

Павел Григорьевич выстрелил дважды с небольшими интервалами. В ответ прозвучали два выстрела. Роман зашел с тыла и прыгнул на Савелия, когда тот произвел второй выстрел. От неожиданности Савелий закричал диким криком, который эхом пронесся по лесному кордону. Когда Павел Григорьевич, с ружьем наперевес, прибежал на крик, Роман сидел верхом на Савелии, правая рука которого была завернута за спину. Рядом валялись пистолет и брезентовый мешок.

Роман поднял пистолет и сунул в карман. Затем развязал мешок, заглянул внутрь и понял, что не ошибся: в мешке находились золотые монеты с изображением императора Николая Второго. «Ничего себе! — привистнул от удивления Костюк. — Да тут целое состояние! Выходит, не зря Савелий говорил Ульяне о наследстве...»

Они связали Савелия, усадили верхом на ло-

шадь. Старик обмяк, что-то злобно бормотал про себя, на губах выступила пена. Но глаза горели диким блеском.

11

Следователь КГБ майор Шахновский уже на протяжении месяца бился с подследственным Савелием Пыталем, который упорно называл себя Семеном Гонтарем. Перед ним на столе лежала тоненькая папка — уголовное дело, свидетельствующее о том, что Савелий Пыталь является военным преступником. Сведений в деле было немного, а те, что имелись, были весьма скупы. Для полноты следствия необходимы были показания самого Пыталя, опровергающие или подтверждающие сведения, имеющиеся в деле.

И вот перед ним старый, сломленный жизнью старик с незавидной судьбой.

Дрожащий скошенный подбородок, распущенные кривящиеся губы и беззвучный крик страха в запавших глазах. «Нет, этот не станет долго упрячиться», — подумал следователь. Но он ошибся — Пыталь упорно молчал. Следователь был готов и к такому развитию событий: перед ним опасный противник, совершивший тяжкие преступления во время войны, а затем сумевший сменить личину и на протяжении многих лет успешно скрывавшийся от следствия.

Шахновский понимал, что желательно поскорее вывести Пыталя на откровенность, иначе он успокоится, смирится с обстоятельствами и будет всячески тянуть время, зная, что в конечном итоге его ждет. Даже при чистосердечном признании снисхождения ему не будет: исход один — высшая мера. Следователь допускал, что Пыталь начнет давать ложные показания, выгораживать себя и валить всю вину на других, в частности на Ульяну Крупенину, некогда любимую им. Но он продолжал молчать. Шахновского интересовало прошлое Пыталя: откуда родом, где прошло детство, кто его родители, чтобы до конца понять истоки его падения. Но и на эти вопросы подследственный отказывался отвечать.

Вызвав в очередной раз Пыталя на допрос, Шахновский сказал:

— Зря тянешь время, Савелий Пыталь. Рас-

сказал бы все начистоту и тем самым облегчил бы душу.

— А я не тороплюсь, — ухмыльнулся Пыталь, и его лицо исказила презрительная гримаса, — как сказал один приговоренный к повешению, когда петля соскочила с его шеи... К тому же ты не священник, чтобы перед тобой исповедоваться...

— И все же муки совести наверняка изводят. Ведь детей и любимого человека предал... Неужто и уйдешь с таким грузом?

— Молод ты еще, не попадал в серьезные педраги... Поэтому не тебе меня судить...

— Обстоятельства здесь ни при чем — просто натура у тебя хищная, звериная, — заметил следователь.

— Подлая жизнь сделала таким, — огрызнулся Пыталь.

— Мудрец утверждал иное: человек от рождения стоит между ангелом и зверем. И кем он станет в дальнейшем, зависит только от него самого, от его устремлений и духовной жизни...

В тот день Пыталь не сказал больше ни слова. А спустя сутки, почерневший, изменившийся до неузнаваемости, сам попросился к следователю, чтобы дать признательные показания...

12

Родителей он помнил смутно. Отец погиб во время Первой мировой войны, сражаясь на германском фронте. У матери на руках остались двое малолетних детей: Савелий и младшая сестренка Даша. Когда нужда железными клещами взяла за горло, мать с детьми покинула село и пошла по миру. Перебиваясь подажаниями, добрались до Орла. Там на вокзале усталый до изнеможения Савелий крепко уснул, а когда проснулся, матери и сестренки рядом не было. Мальчик долго искал их, но безуспешно. Обреченный, он стал скитаться по городу. И здесь его заметил помещик Гобаевский, проезжавший по городу в роскошном экипаже на лошадях, запряженных цугом. Гобаевский привез мальчика в усадьбу, приказал помыть, накормить, одеть. С той поры Савелий стал жить в имении Гобаевского.

После революции Гобаевский вступил добровольцем в Красную Армию и сражался под

Нарвой с кайзеровскими войсками. Был ранен. Вернувшись в имение, нашел приемного сына крепким зрелым юношей и во время одной из бесед поделился с ним секретом: он скопил солидное состояние и намерен передать его новой власти. «Отечество в опасности и нуждается в средствах, которые помогут одержать победу над белогвардейцами и иностранными интервентами», — внушал бывший помещик Савелию.

Юноша был ошеломлен. Он не подозревал вовсе, что его приемный отец является владельцем огромного состояния. Но еще больше его ошеломило то, как легко он готов расстаться со своим капиталом. Савелий стал горячо переубеждать отца, что не стоит жертвовать таким богатством, тем более ради советской власти. Но Гобаевский был непреклонен. В качестве последнего аргумента Савелий напомнил отцу о трагической судьбе их соседки, помещицы Кушлянской. Незадолго до революции она открыла в своей усадьбе бесплатную женскую гимназию для крестьянских детей и фактически разорилась. После революции новая власть отняла у гуманной помещицы последнее, оставив ее без средств к существованию. Дальнейшая участь помещицы была решена. Каждое утро она выходила на околицу, поднималась на пригорок и кричала односельчанам: «Люди добрые, помогите! Я есть хочу». Но люди и власть, ради которых она старалась, были глухи. Помещица так и умерла голодной смертью...

— Это ничего не меняет, — сказал в ответ Гобаевский. — Ошибки свойственны любой власти. Победа все равно будет за Советами, ибо на их стороне правда.

— Хотя я и против Советов, но для нас не так уж и важно, кто выйдет победителем в Гражданской войне — красные или белые. Главное, что с таким богатством мы будем жить припеваючи при любой власти, — уверенно сказал Савелий.

Гобаевский был глубоко возмущен такой позицией приемного сына:

— По-твоему, выходит, что я зря сражался и проливал свою кровь за советскую власть, зря защищал свою землю и народ от интервентов. Нет, мне не все равно, кто победит. И в эту трудную для страны минуту каждый обязан думать не о се-

бе, а о своем Отечестве. Очень плохо, что ты этого не понимаешь...

И тогда Савелий пришел к выводу, что нельзя допустить, чтобы золото ушло в чужие руки. Узнав о том, что большой саквояж с драгоценностями хранится в нише каменного подвала господского дома, Савелий решил завладеть им. Ночью он проник в подвал и попытался извлечь из замурованной ниши саквояж. За этим занятием и застал его Гобаевский. Завязалась потасовка, во время которой Савелий ударил приемного отца булыжником, оказавшимся под рукой.

Врачу, который обследовал труп, Савелий преподнес подарок, и тот в свидетельстве о смерти Гобаевского указал, что покойный, спускаясь в подвал, упал и ударился о камень головой. Травма оказалась смертельной.

После похорон Савелий тайком ушел на лесной кордон к дальнему родственнику Гобаевского старику Евстафию и затаился там. Когда Евстафий скончался, Савелий стал хозяином кордона.

Преступника, как известно, тянет к месту совершения преступления. Какая-то неведомая сила тянула Савелия в усадьбу Гобаевского, где был похоронен ее бывший владелец, его приемный отец. Убийца словно лишний раз хотел убедиться, что бывший помещик мертв и никто не сможет узнать тайну его смерти.

Во время очередного визита в усадьбу на лужайке возле бывшего господского дома Савелий увидел Ульяну в окружении детворы. С той поры девушка завладела его сердцем. Савелий зачастил на хутор, где теперь находился детский дом, стал искать встречи с Ульяной. Девушка долго сторонилась его, откровенно побаивалась. Савелий казался ей каким-то странным, диким и скрытным. Чтобы добиться от Ульяны ответных чувств, Савелий открыл перед ней тайну своего усыновления и упомянул о богатом наследстве. Он ждал, что этот козырь сработает безотказно. Но, как ни странно, это обстоятельство еще больше оттолкнуло его от Ульяны. Она будто бы заподозрила, что с наследством не все чисто и гладко. А вскоре меж ними встала фигура учителя Тараса Крупенина, за которого Ульяна и выскочила замуж.

Савелий не мог простить ей эту обиду, да и дру-

гих женщин стал презирать. Однажды летом, встретив в лесу молодую девушку Анфису Суркову, которая заблудилась и искала дорогу в поселок, Савелий затащил ее на кордон и обесчестил. Больше он ее никогда не видел, но слышал через знакомых, что Анфиса родила дочь.

В начале войны фашисты нагрянули на кордон, чтобы расправиться с Савелием, подозреваемым в связях с партизанами. Савелий убедил их, что он сын помещика Гобаевского и никогда не принимал советскую власть. Фашисты дали ему шанс доказать свою преданность новой власти. И когда партизаны прибыли на кордон, он сообщил об этом своим новым хозяевам условным сигналом — мигающим светом фонаря в окно чердака. На обратном пути партизаны наткнулись на немецкую засаду и были уничтожены. Обо всем, что Савелию становилось известно в дальнейшем, он сообщал немцам в своих донесениях, которые оставлял в дупле старого дуба за Вяхоревкой. Под донесениями ставил подпись: «Сова». Немцы стали доверять Савелию. За ценную информацию они расплачивались с ним деньгами и продуктами.

Однажды ночью он услышал стук в окно. Выглянул и увидел Ульяну, а рядом с ней — дюжину ребятишек. Савелий впустил их в дом. Ульяна уложила детей спать и стала рассказывать о том, что приключилось с ней и детьми этой ночью. «Не исключено, что немцы могут добраться и сюда, на кордон, и нам понадобится твоя помощь», — сказала Ульяна, глядя в глаза Савелию. И тогда он сообщил ей, что является немецким агентом и может прямо сейчас выдать ее фашистам. Но не сделает это при условии, что она согласна бросить все и бежать с ним подальше от этих мест. И вновь напомнил ей о богатстве, которое оставил ему в наследство приемный отец. Ульяна возмутилась и крикнула: «Я еще тогда поняла, что у тебя гнилое нутро. Нет, уж лучше погибнуть, чем связать свою жизнь с немецким холуем». «Ну что ж, теперь ты слишком много знаешь, чтобы оставлять тебя в живых», — вспыхнул злобой Савелий. «Пожалей хотя бы детей», — взмолилась Ульяна. «Это решат немцы», — ядовито прошипел Савелий.

Фашисты прибыли на кордон под утро. На

глазах у Савелия они пытали Ульяну, требовали выдать членов подполья. Ульяна не проронила ни слова. И тогда фашисты повели ее на обрыв реки и дали по ней очередь. Проснувшиеся дети, увидев мертвую Ульяну, с криками бросились в лес...

Немцы ушли, и Савелий не смог больше оставаться на кордоне: он поджег постройки и направился в соседнюю область. В последнем донесении Савелий сообщил своим хозяевам, что партизаны узнали о злодействе на кордоне и охотятся за ним.

Притворившись душевнобольным, Савелий осел в Задубравье, неподалеку от кордона. Что его здесь удерживало? Во-первых, на кордоне было спрятано золото; во-вторых, он хотел знать о дальнейшей судьбе единственного близкого ему человека — дочери Полины. Савелий часто бывал на кордоне, подолгу сживал здесь, будто стерег свое сокровище.

Вскоре после войны у бывшего кордона он встретил мужчину средних лет, и, хотя они никогда не виделись раньше, Савелий сразу же признал в нем Тараса Крупенина. Тарас рассказал ему, что здесь, на берегу Вяхоревки, погибла его жена и детдомовские дети с Гобаевского хутора. Их выдал предатель — лесник Савелий, который жил на кордоне. После войны он куда-то скрылся, но Тарас намерен отыскать его. Савелий представился Семеном, сказал, что партизанил в этих местах и вот решил пройти по старым тропам... О трагедии на кордоне Семен слышал от одного старика. Тот утверждает, что Савелий действительно остался жив. Старик знал его и встречал после войны. Тарас обрадовался и убедительно попросил нового знакомого навести справки о Савелии. Семен пообещал Тарасу узнать все поподробнее и в ближайшее время сообщить ему. Условились, что Семен оставит записку в дупле старого дуба.

Записку он оставил на другой день, и она вскоре исчезла. Но Тарас прибыл на встречу только через неделю. Он был изрядно пьян, и Савелию не составило труда расправиться с ним — злодей утопил его в реке. Когда он извлек тело Тараса из воды, то первым делом обыскал все карманы. Но записки при погибшем не было. Савелий заволновался — про-

павшая записка может явиться серьезной уликой. Но тогда все обошлось. И все же эта записка, как позднее понял Савелий, явилась для него роковой...

Прошли годы, дочь выросла, вышла замуж, родила сына. Все эти годы Савелий не давал о себе знать. Лишь когда его внук Анатолий стал вполне взрослым и подружился с Ларисой Куприяновой — внучкой некогда любимой им Ульяны Крупениной, старик решил встретиться с ним и рассказать о себе. Анатолий очень удивился, что у него есть дед по материнской линии. Но еще больше удивился он, когда Савелий пообещал ему: если женишься на Куприяновой — получишь в наследство солидное состояние. Анатолий выполнил его пожелание, но ничего не успел получить: вскоре после свадьбы Лариса ушла от него. Потом, когда Лариса приехала в Верхнюю Топаль с мужем и тот заинтересовался судьбой ее бабки Ульяны, историей Гобаевского хутора и старого кордона, Савелий, почувствовав опасность, обратился к внуку с просьбой припугнуть пограничника, а если он не остановится — убрать. Савелий рассчитывал убить двух зайцев: и Лариса будет свободна, и тайна лесного кордона так и останется тайной. Анатолий Сурков отказался от покушения на Костюка. Тогда старик решил это сделать сам, но не успел...

— Недооценил я этого пограничника, не принял всерьез. Слишком поздно понял, что у него мертвая хватка и он не остановится, пока не доведет дело до конца... Я ждал и боялся этого часа, знал, что расплата неминуема... А все золото проклятое виновато, — уронил напоследок слезу Савелий. — Вся жизнь прожил отшельником в лесу — стерег свое богатство. Из-за него отправил на тот свет приемного отца, редкой души человека, из-за него пошел на предательство любимой женщины Ульяны, погубил детишек, Тараса и едва внука на путь преступления не толкнул... Гнусный я человек. Нет мне прощения...

13

В начале октября Роман Костюк заглянул в Верхнетопальскую школу, где выразил благодарность ребятам, оказавшим ему большую помощь в разоблачении опасного военного преступника. После школьного собрания директор школы пригласил Романа Антоновича к себе в кабинет, долго беседовал с ним и, узнав о том, что он еще не определился с работой, предложил вести начальную военную подготовку в старших классах.

Вечерело, когда Роман возвращался по центральной улице домой. Холодный ветер гнул ветви тополей и посвистывал по-особому, по-предзимнему, будто бы призывая снега. Но Роман ничего этого не замечал. Таким хорошим казался ему этот вечер поздней осени. Разгоряченный, он расстегнул плащ. Ему странно было видеть, что встречающиеся люди кутались в куртки и плащи, втягивали голову в плечи. Меж тем Роман заметил, что люди стали добрее к нему — еще издали в знак приветствия кивали головой. И оттого так приятно было на душе. «Вот таким светлым и чудесным, наверно, кажется мир счастливым и удачливым людям», — подумал Роман.

А по весне в Верхнетопальскую школу пришла радостная весть: преподаватель начальной военной подготовки Роман Антонович Костюк за разоблачение и задержание опасного военного преступника представлен к

боевой правительственной награде. И Ульяна Крупенина не была забыта: ее представили к медали «За отвагу» посмертно.

На крутояре у бывшего кордона, на месте гибели Ульяны Михайловны Крупениной, той же весной был установлен обелиск. На торжество собралась вся округа. Многие верхнетопальцы публично каялись в том, что незаслуженно обвиняли комсомолку Ульяну Крупенину в предательстве, просили прощения у семьи Куприяновых, проклинали Савелия, благодарили Романа Костюка. Когда представили слово Роману, вокруг установилась такая тишина, что было слышно, как мерно журчит под обрывом река, как шаловливо играет в соснах ветер, как весело звенят стрекозы. Бывший пограничник был краток: «Благодарю всех, — волнуясь, сказал Роман, — кто оказал мне поддержку в этом непростом деле и помог раскрыть тайну лесного кордона, изобличить опасного преступника, вернуть доброе имя отважной женщине Ульяне Михайловне Крупениной. Теперь мы можем жить спокойно — наша совесть перед ней чиста».

По предложению жителей Верхней Топали одна из улиц села была названа именем отважной комсомолки. А в местной школе был создан музей, где один из стендов рассказывает о комсомольцах-подпольщиках села и о подвиге Ульяны Крупениной.

□

Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

(настоящее имя Петр Петрович Кузнецов)

родился в 1947 г. на Смоленщине, в дер. Любестово (Рославл. р-н).

Пишет повести и рассказы.

Публиковался в журналах «Искатель», «Странник», «Пограничник», в альманахе «Литературный Брянск» и ряде других.

Автор нескольких сборников прозы: «Тонкая рябина» (2002), «Перед лицом судьбы» (2007), «Родная кровь» (2010) и других.

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Живет на Брянщине, в городе Сельцо.

В журнале «Север» публикуется впервые.

